

В Москве ожидается большое событие. 2-й и 3-й и 15 февраля на сцене Театра имени Пушкина спектаклем «Дядя Ваня» открывается новый театр «ET CETERA». Создал его один из популярнейших артистов Александр Калягин.

— Как возникла эта безумная идея — в наше жуткое время открыть новый театр? — Четыре года назад на курсе, которым я руководил в школе-студии МХАТа, мы решили по окончании не разбегаться, а продолжить свою жизнь театром. Но студенты были очень сильные, их всех быстро разобрали другие режиссеры. Да и я как-то затянул это дело. Короче говоря, тогда все разошлись. Но мечта осталась.

И вот год назад мы зарегистрировались как театральное предприятие, и все это время делали одно очень важное дело — собирали деньги. Было сложно. Спонсоры появлялись и исчезали. Потом «смешались» новые границы: появился один чудный человек в Казахстане, но его деньги через кордон пробиться не могли — казахский банк не пропускал. Люди, которые хотели нам помочь, в силу инфляции или других причин вынуждены были мило улыбаться, раскланываться и уйти.

Те, кто с нами остался, ни с коммуну не диктуют нам условия. Мы сами по себе, и нам полностью доверяют. В этом отношении я чист перед собой — никому не служу, кроме искусства. Естественно, в том виде, в каком я его вижу.

— А каким вы видите свой театр? — В какой-то мере он будет антрепризным. Например, в спектакле «Дядя Ваня», которым мы оживаемся, заняты Василий Лановой, Алексей Кузнецов и Владимир Симонов — они из театра Вахтангова. Известная актриса Татьяна Ленникова — из МХАТа.

Лановой приглашен в «Дядю Ваню» не потому что он известен. Выбрав эту пьесу, мы с режиссером-постановщиком Александром Сабининым думали, кто бы мог сыграть, и главное — испытать радость от роли, которую он, может быть, никогда не сыграет в своем театре. Но антреприза — это только одно направление. Параллельно я буду собирать и свою труппу.

— Вы все-таки хотите видеть у себя выпускников того курса, с которыми замыслили сделать театр четыре года назад?

— Я бы мечтал. Не все конечно, придут. Артисты они талантливые, многие заняты в спектаклях (а их взяли к себе и Ефремов, и Захаров, и Фокин), снимаются в кино. Но кто-то вернется. Например, Андрей Панин, мой ученик, уже ставит в моем театре спектакль «Забавный случай» Голдони.

Конечно, я понимаю — надо быть полным идиотом, чтобы сейчас заниматься открытием театра. Иногда я чувствую себя камикадзе. На меня как на художественного руководителя ложится масса проблем. Декорации того же «Дяди Вани» в мае прошлого года стояли пилотера милли-

оны, в августе — уже три. А сколько сейчас — об этом лучше вообще не говорить. Но, думаю, я все-таки с ума не сошел. По крайней мере, смотрю на все это трезво. Так же, как директор театра Константин Батырев, который большую часть проблем переложил на себя.

Режиссерских амбиций во мне нет. Самое главное, о чем мечтаю, — при театре соз-

дать театральную школу. Это по моему мечте любого режиссера. Не просто театр, не просто открытые занавесочки — таких занавесочек отбывается по вечерам много, а именно создать классическую связь, благодаря которой живет театральное искусство: школа — театр.

— Так теперь вы будете только руководить?

— Со временем я буду и ставить, и играть. Сейчас же пока работают другие режиссеры, а я выбираю подходящую пьесу. Сергей Тонгур будет ставить «Елотоп» Бергера. Если нам захочется, будем ставить и психологическую драму, и шоу. Все, что осваивает искусство театра.

Мск. комсомолец — 1993. — 30 янв.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я ВАШ...

Александр
КАЛЯГИН:
«Иногда
я чувствую
себя
камикадзе»

— Так теперь вы будете только руководить?

— Со временем я буду и ставить, и играть. Сейчас же пока работают другие режиссеры, а я выбираю подходящую пьесу. Сергей Тонгур будет ставить «Елотоп» Бергера. Если нам захочется, будем ставить и психологическую драму, и шоу. Все, что осваивает искусство театра.

На мысли у меня, как ни странно, крутятся вокруг классики.

— Вы считаете, что сейчас наши драматурги не пишут хороших пьес?

— Думаю, им трудно освоить это время. Наши закаленные драматурги молчат, опечалились. А молодые — тем более, потому что нужно мастерство, чтобы все это художественно осмыслить. Конечно, можно

буду искать такое помещение, чтобы разместить сразу и театр, и студию.

— Вы затронули больной вопрос, особенно для нашей культуры — деньги. Интересна реакция людей, к которым вы обращались за помощью.

— Конечно; добрые люди есть. Но большинство богатеньких не понимает, что вложение денег в искусство приносит

вию. Не нервы, не напряжение, не сморщенный лоб, а удовольствие.

— Вы пригласите ее в свой театр?

— У нас не было такого разговора. Хотя если кто-то из режиссеров решит с ней работать — все может быть.

— Многие ваши поклонники по МХАТу, естественно, волнуют ваша будущая жизнь в театре...

— Три года назад я перешел на договор и продолжал играть то, что считал нужным. Сейчас я занят в «Трагиках и комедиях», «Игроках» (этой спектакль, правда, не мхатовский). Теперь релятивную гавайскую роль в трагедии Пушкина «Борис Годунов».

— Как складываются отношения с Ефремовым?

— У нас с Олегом Николаевичем, с одной стороны, близкие отношения, родные. И как у всех близких людей, любое неосторожное слово может восприниматься с обидой. У нас отношения, всегда требующие подтверждения, что не зря прожили столько лет в театре. Мы ведь с ним пришли во МХАТ почти одновременно, больше 20 лет назад.

Всё было за эти годы. Мы и спорили, и укоряли друг друга, ругались, и опять помирились, что порождает нам тяжесть. Я подчеркиваю, что это очень родные отношения, которые в себя включают все — разрывы, и обиды. Только не мстить. Короче говоря, Ефремов уговорил меня репертуаровать Годунова, как когда-то — Ленина. Попробовать? Я пока не знаю, что это будет. Мне кажется, что это трудное для постановки произведение, но Ефремов давно им болен. Видимо, для него очень важно через «Бориса Годунова» осмыслить то смутное время, в котором сейчас мы все живем.

Знакомился с материалом, с документальными тех времен и поражаюсь, был потрясен не только локхастом и паравальми... Ассоциации в нашем времени возникают без всякого напряжения. Ужасно, что история ничему нас не учит. Совершаются те же самые ошибки! Так что сыграл я Годунова или не сыграл — по крайней мере, мой познания нашей истории станут глубже. Мне кажется, Ефремов сейчас готов к тому, чтобы поставить «Годунова» и найти в нем то, что может поразить зрителя.

— Как он отнесся к созданию вашего театра?

— Он в курсе, а как относится, пока не знаю. Знаю, что театр я не собираюсь бросать — он моя любовь и моя боль.

— А кино? Выши Платонов в «Механическом гимназии» и Эзоп назывались. Недавно в очередной раз, и, как всегда, с большим удовольствием смотрел по телевидению «Здравствуйте, я ваш тетя»!

— Спасибо. Кино приносит удовлетворение, и некоторые роли являются открытием меня самого. Но все же моя стихия — Театр. Ему я не измению никогда.

Беседовала Марина ОВЦОВА.

моральное, нравственное удовлетворение. Это, если хотите, создание определенного имиджа, стиля жизни. Взять хотя бы пример Арманды Хаммера или барона фон Тиссена. А у наших — погулять за 100 тысяч и жить по принципу «качество денег определяется их количеством» — как это скучно! Но государство, к сожалению, мало помогает культуре, и сейчас много зависит именно от спонсоров и меценатов. Большинство бизнесменов мечтают о славе Саавы Морозова, не затравив при этом каких-то усений. Приходится долго объяснять им, что театр не приносит дохода и что они будут вкладывать деньги в бездонную бочку. Трудно пока понять нашим бизнесменам, что главное назначение театра — духовное воспитание. В том числе и их самих, и их окружения. Я благодарен «СибАстроВАЗу», фирме «МАКС», рекламному агентству «Телебанк», акционерному обществу «ТОР» и Мосбизнесбанку за то, что они нас поняли.

— А вы пытались обращаться к чиновникам о том, чтобы ваш театр получал дотацию?

— Я не хочу. Я знаю, что мне откажут. Буду признаваться в любви, но денег не дадут. Перед человеком богатым, но знающим я не боюсь быть просителем, когда речь идет о театре, о спектакле. При этом мои принципы никто не согнет, потому что я всегда знаю, к кому иду. И даже если такой человек откажет, это не так противно, как идти к чиновнику. Хотя должен сказать, что с созданием школы нам помогали Махарадзе из гаидаровской комманды. Жаль — не довел до конца. Надеюсь, что правительство обратит на нас внимание и даст для школы субсидии... Ох, как скучно мы с тобой что-то говорим — о деньгах, о чиновниках!

— Да уж, действительно. Самый раз поинтересоваться, как ко всему происходящему относится ваша жена Евгения Гаушенко?

— Ну, она, конечно, уважает мое дело, потому что сама актриса. Что касается театра, она считает, что в этой стране, в наших условиях очень трудно сделать что-то такое, что будет приносить удовлетво-